

Д. Д. Тумаркин

МИКЛУХО-МАКЛАЙ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

(к 100-летию со дня смерти)

Минуло 100 лет со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая. Отважный путешественник, классик русской науки, мыслитель-гуманист, страстный борец за права угнетенных народов — таким предстает он перед нашими современниками. Единственной целью жизни Миклухо-Маклая, как он сам писал, были «польза и успех науки и благо человечества»¹.

Будущий ученый родился в 1846 г. в семье инженера путей сообщения. Отец, строгий, но справедливый человек, умер в 1857 г., не выслужив пенсии. Все заботы о пяти детях легли на плечи матери. Она была в юности близка к кружку А. И. Герцена и своих детей воспитывала в уважении к людям всех национальностей, в духе справедливости и гуманности. Полученное в семье воспитание, жизнь в стесненных материальных условиях, борьба с нуждой открыли юноше глаза на многое. «Я всегда испытываю, — писал он в 18-летнем возрасте, — большую симпатию к бедным и тем, кто находится в плохих политических и социальных условиях; у меня большая симпатия к бедным и бесправным, чем к богатым и полноправным»².

Отрочество и юность Миклухо-Маклая протекали в переломный период истории России, связанный с отменой крепостного права. И в годы подготовки этой реформы, и после ее провозглашения в 1861 г. на условиях, выгодных помещикам, в стране происходили крестьянские восстания, вспыхивали студенческие волнения, активизировали свою деятельность революционеры-демократы, призывавшие к свержению царизма и передаче земли крестьянам. Мощный демократический подъем затронул и Миклухо-Маклая. В годы учения в гимназии Николай читал и обсуждал с товарищами запрещенные произведения Герцена; за участие в студенческой манифестации 15-летний юноша был арестован и просидел трое суток в тюрьме. В 1863 г. он поступил в Петербургский университет, но проучился в нем менее года. За участие в студенческих сходках его изгнали из университета, и он вынужден был окончить свое образование за границей³.

В студенческие годы Миклухо-Маклай углубленно изучал зоологию и сравнительную анатомию, но интересовался также антропологией и этнографией, философией и политической экономией. Как видно из его писем и конспектов прочитанных книг, будущего ученого привлекали тогда идеи французских социалистов-утопистов, но властителем его дум оставался Н. Г. Чернышевский — признанный вождь революционно-демократического движения в России конца 50-х — начала 60-х годов. С трудами Чернышевского по философии и политической экономии и его статьями по наболевшим вопросам русской жизни Миклухо-Маклай познакомился еще до отъезда за границу. С собой он взял роман Чернышевского «Что делать?», в котором были выведены образы «новых людей» — борцов за коренное переустройство жизни в России, в аллегорической форме изображалось будущее социалистическое общество. Этот роман был в те годы настольной книгой Миклухо-Маклая.

¹ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4. М.; Л., 1953. С. 137.

² Там же. С. 13.

³ Комиссаров Б. Н. Ранние годы Н. Н. Миклухо-Маклая (К истории первого петербургского периода жизни) // Сов. этнография. 1983. № 1. С. 128—139.

В Иенском университете Миклухо-Маклай слушал лекции Эрнста Геккеля — одного из крупнейших биологов XIX в., видного последователя Дарвина. Заметив интерес русского юноши к науке, глубину и оригинальность его мышления, Геккель сделал его своим ассистентом⁴. В 1866—1869 гг. Миклухо-Маклай посетил о. Мадейру, Капарские острова, Марокко и берега Красного моря, главным образом для изучения морской фауны. Но уже во время путешествия по берегам Красного моря проявились черты, определившие его дальнейшую жизнь, — склонность к трудным и опасным предприятиям, глубокий интерес к образу жизни и культуре народов.

В 1869 г. Миклухо-Маклай вернулся в Петербург и начал работать в Зоологическом музее Российской Академии наук. Вскоре он представил в Совет Русского географического общества (РГО) проект задуманной им многолетней экспедиции на Тихий океан, имея в виду уделить наибольшее внимание его северным морям. Проект предусматривал в основном зоологические исследования. Антропологическими и этнографическими вопросами ученый предполагал заниматься лишь попутно, в «свободное от специальных занятий время». Совет общества в принципе принял проект Миклухо-Маклая и обещал ему свое содействие. Но в процессе подготовки к экспедиции замыслы ученого существенно изменились.

Ознакомление с научной литературой, беседы и переписка с ведущими учеными навели Миклухо-Маклая на мысль, что намеченные им многолетние исследования целесообразно начинать с Новой Гвинеи — огромного острова, который в то время фактически оставался для европейцев *terra incognita*. Ученому стало ясно и то, что как в научном, так и в общественном плане наиболее актуально изучение не природы, а обитателей этого острова, папуасов, о которых тогда ходили фантастические слухи, используемые расистами.

Дело в том, что в 50—60-х годах XIX в. вопросы, связанные с изучением человеческих рас и интерпретацией расовых особенностей, сделались весьма острыми и вышли за рамки научных дискуссий. Многие видные английские и американские антропологи (Хант, Бэртон, Мортон, Нотт, Глиддон и др.) пытались доказать, что человеческие расы неравноценны, что разница в культурном уровне народов объясняется их врожденными свойствами, что белые якобы самой природой предназначены господствовать, а цветные — подчиняться. Эти теории были взяты на вооружение рабовладельцами и их сторонниками, стали использоваться для оправдания колониальной экспансии⁵.

Среди сторонников признания качественной неравноценности человеческих рас и сравнительной близости темнокожих людей к обезьянам оказались не только антропологи-расисты, но и те западноевропейские ученые, которые ошибочно полагали, что такого рода концепции помогают обосновать дарвинизм и материалистическое мировоззрение в целом, ибо направлены против учения о сотворении человека богом и дают дополнительные аргументы в пользу происхождения человека от обезьяны. Папуасам, бушменам и другим культурно отсталым народам эти последователи Дарвина отводили роль «промежуточного звена» между европейцами и их животными предками. К такой точке зрения склонялся, в частности, учитель молодого Миклухо-Маклая, Эрнст Геккель. Но Миклухо-Маклаю была очевидна общественная опасность подобных концепций независимо от намерений их авторов. Убежденный дарвинист, он в вопросе о человеческих расах разошелся со своим иенским учите-

⁴ *Uschmann G. Geschichte der Zoologie und der zoologischen Anstalten in Jena 1779—1919. Jena, 1959. S. 66—67.* Через четыре десятилетия, 30 июня 1908 г., в письме Д. Н. Анучину Геккель назвал Миклухо-Маклая «моим в высшей степени талантливым и оригинальным учеником» (Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 10, папка 27, № 52). Геккель сообщил в этом письме, что намерен рассказать о Миклухо-Маклае в своих мемуарах. К сожалению, ему не удалось осуществить этот замысел.

⁵ *Левин М. Г. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960. С. 37; Lienhardt G. Social Anthropology. L., 1966. P. 6—9.*

лем и его единомышленниками. На примере обитателей Новой Гвинеи ученый решил доказать строго научно, на неопровержимых фактах, что представляет собой в действительности темнокожая раса⁶.

Миклухо-Маклай тщательно готовился к экспедиции. Он консультировался с видными русскими учеными разных специальностей, с немецкими и английскими научными авторитетами. В частности, в Лондоне он встречался с известными биологами Томасом Хаксли и Алфредом Уоллесом и, по их воспоминаниям, произвел на них огромное впечатление смелостью и гуманистической направленностью своих замыслов⁷.

Миклухо-Маклаю удалось получить согласие РГО на существенное изменение своих первоначальных планов. В ноябре 1870 г. корвет «Витязь» с 24-летним исследователем на борту вышел из Кронштадта в дальний вояж. Почти год заняла морская дорога. Наконец, в сентябре 1871 г. он высадился на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, где еще не ступала нога европейца.

15 месяцев провел ученый на этом берегу, названном его именем, и затем еще дважды посетил эти места (в 1876—1877 и 1883 гг.), пробыв здесь в общей сложности около 3 лет. О его жизни и деятельности на Берегу Маклая (береговой полосе протяженностью свыше 150 миль, между мысами Круазиль и Кинг-Вильям) мы узнаем главным образом из его дневников. Это не только ценный источник для изучения местного населения, но и в известной мере автопортрет ученого. При чтении дневников постепенно складывается образ удивительно скромного и бесстрашного человека, прогрессивного ученого, просветителя, гуманиста.

Несдружливо встретили местные жители таинственного пришельца. Но путешественник не растерялся. Своим мужеством, терпением, справедливостью и гуманностью он сумел преодолеть настороженность папуасов и завоевал их любовь и доверие. И скоро уже не копья и стрелы, а добрые улыбки встречали его в папуасских селениях.

«Вы первый несомненно опытом показали, что человек везде человек, т. е. доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества», — писал отважному исследователю Лев Толстой⁸.

Сблизившись и подружившись с жителями деревень Бонгу, Горенду и Гумбу, научившись объясняться на их языке, установив добрые отношения с обитателями многих других деревень Берега Маклая, русский ученый смог широко развернуть этнографические и антропологические исследования. «На мою долю, — писал он, — выпало редкое счастье наблюдать население, бывшее совершенно обособленным от сношений с другими народами и жившее притом на такой стадии развития культуры, когда все орудия и оружие изготовляются из камня, кости и дерева»⁹. И ученый в полной мере воспользовался этой уникальной возможностью. Он тщательно и подробно описал хозяйство и материальную культуру своих темнокожих друзей, их повседневный быт, нравы и обычаи, уделил много внимания их самобытному искусству. Эти материалы и по сей день остаются важным источником по этнографии Новой Гвинеи, непревзойденным во многих отношениях образцом полевого этнографического исследования.

Несколько менее подробно описал Миклухо-Маклай социальный строй и религиозные верования. Причину здесь следует искать не только в особой сложности этих проблем, но и в чрезвычайной осторожности и добросовестности исследователя: он всегда стремился придерживаться точно установленных фактов и воздерживался, как он сам писал, от

⁶ Haeckel E. *Natürliche Schöpfungsgeschichte*. Berlin, 1868, S. 514, 520, 555; Левин М. Г. Указ. раб. С. 64.

⁷ Huxley T. *Life and Letters of Thomas Henry Huxley*. L., 1900. P. 333; Wallace A. R. *My Life. A Record of Events and Opinions*. V. 2. L., 1905. P. 34—35.

⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 63. М.; Л., 1934. С. 378—379.

⁹ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 3. Ч. I. М.; Л., 1951, С. 24.

добавления к личным наблюдениям различных догадок и гипотез. Но и по этим аспектам жизни в его дневниках, письмах и статьях можно найти много интересных наблюдений.

Ученый установил, что на Берегу Маклая жители каждой деревни образуют общину, в которой господствуют принципы коллективизма, что в подобной общине нет имущих и неимущих¹⁰. Свои представления о поземельных отношениях на Берегу Маклая он наиболее четко сформулировал в беседе с русским путешественником Э. Циммерманом, с которым встретился в 1882 г. в Сиднее. «Земля составляет собственность племени, живущего в деревне, — рассказывал Миклухо-Маклай, — и разверстывается на участки по семьям (кланам. — Д. Т.). Глава каждого семейства раздает участки младшим членам его, сообразуясь с их потребностями. Таким образом, каждый пользуется землей до тех пор, пока он ее возделывает»¹¹.

Как видно из записей Миклухо-Маклая, местные жители не имели ни наследственных, ни выборных вождей. Но из среды общинников стихийно выделялись «большие люди», пользовавшиеся авторитетом благодаря своему воинскому искусству, успехам в хозяйственной деятельности или знанию магического ритуала. Важные решения обычно принимались сообща всеми взрослыми мужчинами деревни.

Наблюдения Миклухо-Маклая дают яркое представление о традиционном образе жизни обитателей этой части Новой Гвинеи. Перед нами проходят живые люди с их характерами и склонностями, действующие в рамках конкретной культуры с ее нормами и обычаями. Но эти данные позволяют делать и гораздо более широкие обобщения, ибо они отражают наиболее существенные стороны жизни человечества на одной из ранних стадий его развития. Зафиксировав для науки столь уникальный фактический материал и сделав это без домыслов и предвзвешенных, русский исследователь вписал свое имя в историю изучения доклассового общества¹².

Огромное значение имело антропологическое изучение папуасов, ради которого Миклухо-Маклай и отправился на Новую Гвинею. Как ученый, занимавшийся сравнительным исследованием расовых типов населения Тихоокеанского региона, он, конечно, не проходил мимо признаков, по которым обитающие там расы отличаются друг от друга. Но он никогда не забывал, что на различиях между человеческими расами строятся ложные теории расизма, что в угоду этим теориям не только преувеличиваются расхождения в тех или иных признаках, но и выдумываются несуществующие. Вот почему с особой тщательностью и вместе с тем объективностью истинного ученого он исследовал признаки, которые многие научные авторитеты того времени рассматривали в качестве специфических особенностей папуасской расы.

Эти «авторитеты», сами никогда не видевшие коренных жителей Новой Гвинеи или наблюдавшие их лишь с палубы корабля, утверждали, будто папуасская раса обладает рядом «обезьяноподобных» черт. В научной литературе и учебниках по антропологии можно было, например, прочесть, что у папуасов волосы на голове растут «пучками», кожа отличается резко выраженной жесткостью и т. д. При первой же возможности Миклухо-Маклай проверил эти утверждения и убедился в их полнейшей несостоятельности.

«Групповидного или пучкообразного распределения волос я решительно не заметил, — сообщил он в статье, написанной после первого

¹⁰ Там же. С. 467.

¹¹ Циммерман Э. Путешествие по Австралии и Океании//Отечественные записки. 1883. № 9. С. 223. Советские этнографы, посетившие Бонгу и некоторые близлежащие деревни столетие спустя, уточнили эти наблюдения Миклухо-Маклая. См.: Тумаркин Д. Д. Хозяйство папуасов бонгу//На Берегу Маклая (этнографические очерки). М., 1975. С. 94—96; Басилов В. Н. Мужские дома в Бонгу//Сов. этнография. 1977. № 6. С. 91—92.

¹² См. подробнее: Бутинов Н. А. Н. Миклухо-Маклай на Берегу Маклая//На Берегу Маклая. С. 16—18.

пребывания на Берегу Маклая.— Волосы на голове папуаса растут совершенно так же, как у европейца»¹³. «Я никоим образом не могу согласиться с авторами, которые приписывают папуасам особую жесткость кожи,—подчеркивал он в той же статье.— Не только у детей и женщин, но и у мужчин кожа гладкая и ничем не отличается в этом отношении от кожи европейцев»¹⁴. Шаг за шагом Миклухо-Маклай устанавливал, что местные жители по своей физической организации существенно не отличаются от европейцев, и каждое такое доказательство, как он сам писал, приводило его в «приятное настроение духа»¹⁵. Но, пожалуй, еще важнее было то, что ученый обнаружил большое сходство между папуасами и европейцами во всем, что касается психических свойств. В своих дневниках и статьях Миклухо-Маклай называет лица папуасов добрыми, мягкими, умными, радуется их трудолюбию, честности и смывленности, подчеркивает, что они легко перенимают новое. Исследователь убедился сам и убедительно показал в своих трудах, что папуасы — такие же люди, как белые, только находятся на более низкой ступени исторического развития. Эти наблюдения имели тогда и сохраняют до наших дней очень важное значение: на примере папуасов ученый доказал беспочвенность расистских утверждений, будто «отсталые» народы в силу неких природных особенностей и психического склада не способны к прогрессу. Всем ходом своих рассуждений он подвел своих читателей к выводу о том, что папуасы, как и другие темнокожие люди, способны догнать в своем развитии цивилизованных жителей Европы и Америки.

Миклухо-Маклаю была ясна человеконенавистническая сущность расистских теорий. В статье, написанной во время его второго пребывания на Берегу Маклая, он решительно выступил против утверждения, будто «темные расы, как более низшие и слабые, должны исчезнуть, дать место белой разновидности». «Допустив это положение и проповедуя истребление темных рас оружием и болезнями,— писал он,— логично идти далее и предложить отобрать между особями для истребления у белой расы всех неподходящих к принятому идеалу представителей единственно избранной белой расы. Логично не отступать перед дальнейшим выводом и признать ненужными и даже вредными всякие больницы, приюты, богадельни, ратовать за закон, что всякий новорожденный, не дотянувшись до принятой длины и веса, должен быть устранен и т. д. Дойдя, наоборот, при помощи беспристрастного наблюдения до положения, что части света с их разными условиями не могут быть заселены одною разновидностью *species homo...*, что поэтому существование различных рас совершенно согласно с законами природы, приходится признать за представителями этих рас общие права людей»¹⁶.

Эти благородные слова, написанные на далеком новогвинейском берегу, делают честь Миклухо-Маклаю. Русский ученый прозорливо разглядел огромную социальную опасность расистских теорий, через полвека нашедших свое крайнее воплощение в изуверской практике гитлеровского фашизма.

В 70—80-х годах Миклухо-Маклай посетил также юго-восточный (2 раза) и юго-западный берега Новой Гвинеи, побывал на многих островах Полинезии, Меланезии и Микронезии, дважды пересек полуостров Малакку. Эти путешествия ученого также принесли богатые плоды. Достаточно упомянуть точное и наглядное описание обитателей островов Адмиралтейства, интересную характеристику общественных отношений на островах Палау и Яп, ценные антропологические наблюдения, сделанные в джунглях Малакки.

Повсюду — и на Новой Гвинее, и на других островах Океании — Миклухо-Маклай собирал этнографические коллекции. Ныне они хра-

¹³ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 3. Ч. I. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 26.

¹⁵ Там же. Т. I. С. 159.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 423—424.

няются в ленинградском Музее антропологии и этнографии АН СССР. Эти коллекции (более 600 предметов) имеют непреходящее значение для науки, ибо позволяют в деталях изучить предметный мир традиционных океанийских культур. Многие вещи из этих собраний к тому же являются великолепными образцами первобытного искусства.

Велика также научная и художественная ценность рисунков, выполненных Миклухо-Маклаем во время его путешествий. Талантливый художник, он скудными средствами добивался максимальной выразительности. Его рисунки отличаются точностью пропорций, тщательной прорисовкой деталей. Портреты, сделанные его рукой, ярко отражают как антропологический тип, так и человеческую индивидуальность. Все это позволяет считать рисунки Миклухо-Маклая (их насчитывается более 800) ценным этнографическим и антропологическим источником.

Плохо перепося тропический климат, страдая от малярии, Миклухо-Маклай, по предписанию врачей, в последние годы своей жизни подолгу жил в Австралии, преимущественно в Сиднее. Здесь он активно участвовал в деятельности местного Линнеевского общества, работал на первой в Южном полушарии морской биологической станции, построенной по его проекту в окрестностях Сиднея. В 1884 г. Миклухо-Маклай женился на дочери сэра Джона Робертсона — бывшего премьера Нового Южного Уэльса.

Путешествуя по Океании, исследователь столкнулся со страшной действительностью — похищением в рабство, спаиванием, ограблением, убийством островитян европейскими и американскими моряками и торговцами. Эти злодеяния потрясли ученого-гуманиста. «Истребление темных рас есть не что иное, как применение грубой силы, — писал он в 1877 г. — ... Всякий честный человек должен восстать против злоупотреблений сего»¹⁷.

На протяжении многих лет Миклухо-Маклай посылал письма и телеграммы европейским государственным деятелям, выступал с публичными лекциями, помещал статьи в газетах и журналах, страстно протестуя против совершающихся злодеяний и требуя уважения человеческих прав островитян Океании. Так, в апреле 1881 г. в мельбурнской газете «Аргус» появилось открытое письмо Миклухо-Маклая командиру британскими военно-морскими силами в юго-западной части Тихого океана Дж. Уилсону. «Что вывоз рабов (ибо только справедливо дать этой сделке ее собственное имя) в Новую Каледонию, Фиджи, Самоа, Квинсленд и другие места посредством похищений и увоза туземцев под прикрытием фальшивых утверждений и лживых обещаний все еще продолжается в значительных размерах, — писал ученый, — я готов заявить и подкрепить фактами. Поведение многих белых по отношению к аборигенам Океании никак не может быть оправдано, в справедливости чего я имею много доказательств в своем распоряжении... Самое меньшее из того, что черные имеют право требовать от цивилизованных рас, есть не жалость, не сочувствие, а справедливость, и я уверен, что это может быть им предоставлено... Было бы желательно, чтобы в скором времени было достигнуто международное соглашение по этому вопросу»¹⁸.

В развитие этого письма ученый через несколько месяцев представил британским властям подробную, тщательно документированную «Записку о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана». В ней он ополчился против всей системы работорговли и подневольного труда, процветавших тогда в Австралии и Океании.

Основываясь главным образом на собственных наблюдениях, приводя конкретные факты, Миклухо-Маклай показал подлинную сущность «торговли свободным трудом»: методы, применяемые при захвате островитян, в том числе детей и подростков, их жестокую эксплуатацию и убийства на борту европейских и американских судов, формы торговли

¹⁷ Там же. С. 424.

¹⁸ Там же. Т. 4. С. 192—193.

«живым товаром», отрицательное влияние этого торго на традиционные общества Меланезии и Микронезии. В одном из разделов «Записки» Миклухо-Маклай рассказал об условиях жизни и труда островитян Южных морей на сахарных плантациях в Квинсленде (северо-восточная Австралия)¹⁹.

Пытаясь отстоять независимость обитателей Берега Маклая, ученый разработал проект создания Папуасского Союза — независимого государства на северо-восточном берегу Новой Гвинеи. Первые наброски этого плана появились у него еще в 1876 г., но развернутый вариант «Проекта развития Берега Маклая» был составлен им в ноябре 1881 г. Опираясь на местные институты и обычаи, Миклухо-Маклай предполагал поднять уровень цивилизации местных жителей, помочь им «достигнуть более высокой и всеобщей ступени чисто туземного самоуправления» и сплотить в едином Союзе изолированные друг от друга деревни Берега Маклая. Он наметил создать для решения вопросов, представляющих всеобщий интерес, Большой Совет, членами которого стали бы наиболее влиятельные пожилые мужчины — «большие люди» основных деревень, а дела «локального характера» оставить в ведении традиционных деревенских советов. «Я занял бы при Большом Совете, — писал Миклухо-Маклай, — место советника, участвовал бы в дискуссиях, а также представлял его в сношениях с иностранцами и людьми, не принадлежащими Союзу папуасов Берега Маклая». В качестве первоочередных задач в проекте предусматривались открытие школ, строительство пристаней, дорог и мостов, а также всемерное развитие местной экономики²⁰.

При оценке «Проекта развития Берега Маклая» привлекает внимание прежде всего его широкая гуманистическая направленность. В нем отразились антирасистские позиции ученого, его убеждение в равной способности всех народов — независимо от расы и места на шкале общественных форм — развивать свою культуру, двигаться по пути прогресса. Если многие современные Миклухо-Маклаю антропологи (не говоря уже о колониальных чиновниках и торговцах) считали папуасов «недочеловеками», промежуточным звеном между европейцами и их животными предками, и уж во всяком случае относили обитателей Новой Гвинеи к низшей расе, то русский ученый-гуманист, исходя из своих научных убеждений и личного знакомства с жителями Берега Маклая, не сомневался в возможности «поднять уровень их цивилизации» и даже недооценил трудности их скачка из первобытности к несравненно более сложным формам социальной организации.

Проект Миклухо-Маклая имел еще две примечательные особенности, необычайные для той эпохи: в качестве первоочередной меры в нем выдвигалось открытие школ и в то же время ни слова не говорилось об обращении новогвинейцев в христианство, о приглашении на Берег Маклая миссионеров. Эти особенности проекта отнюдь не случайны.

Еще в 1871 г., во время плавания на «Витязе» к берегам Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай явился свидетелем кровавой резни на о. Ротума, вызванной соперничеством английских и французских миссионеров. А в дальнейшем, путешествуя по Меланезии и Микронезии, ученый убедился в том, что христианские проповедники нередко выступают в качестве авангарда иностранных пришельцев. Некоторые миссионеры, как писал в 1878 г. Миклухо-Маклай, занимались «под маской наставников и друзей туземцев деятельностью тредоров». Но еще важнее было, по мнению исследователя, то обстоятельство, что миссионеры, независимо от их личных устремлений, всей своей деятельностью фактически расчищали путь «к вторжению тредоров с их аксессуарами: введению и употреблению спиртных напитков, огнестрельного оружия,

¹⁹ Неизвестный документ о борьбе Н. Н. Миклухо-Маклая с рабством и подневольным трудом в Австралии и Океании/Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. Д. Д. Тумаркина//Расы и народы, 11. М., 1981. С. 228—247.

²⁰ Проект развития Берега Маклая/Пер. с англ. вступ. ст. и коммент. Д. Д. Тумаркина//Расы и народы. 7. М., 1977. С. 103—127, 283—287.

распространению болезней, проституции, вывозу туземцев силою или обманом в рабство и т. д.»²¹. Эти «благодеяния цивилизации», как подчеркивал в другой статье Миклухо-Маклай, «едва ли уравниваются умением читать, писать и петь псалмы»²². Не удивительно, что ученый отнюдь не желал содействовать появлению миссионеров на Берегу Маклая.

Как голос грядущего прозвучало в проекте предложение Миклухо-Маклая об открытии в новогвинейских деревнях школ. Колониальные державы, вскоре разделившие между собой всю Новую Гвинею, считали это излишним. Так, Х. Мэррей, губернатор Папуа в 1907—1940 гг., неоднократно заявлял, что для коренных жителей самое лучшее образование — работа на плантациях и рудниках, принадлежащих белым поселенцам. Фактически только после второй мировой войны австралийские власти были вынуждены приступить к созданию в Папуа Новой Гвинее сети деревенских начальных школ, т. е. того, к чему еще в 1881 г. призывал Миклухо-Маклай²³.

Русский ученый тщательно обдумал многие детали «Проекта развития Берега Маклая». По проекту в целом носил нерсальный, утопический характер — как вследствие низкого уровня социально-экономического развития местных жителей, крайне затруднявшего столь радикальные преобразования, так и из-за неминуемого сопротивления колониальных держав, завершавших как раз в те годы подготовку к разделу еще «незаятой» Океании, включая восточную часть Новой Гвиней.

Как с горечью писал сам исследователь, ему не раз приходила на ум мысль, что его призывы пощадить островитян во имя справедливости и гуманности «походят на просьбу, обращенную к акулам, не быть такими прожорливыми»²⁴. Миклухо-Маклай не смог спасти своих друзей: в 1884 г. юго-восточная Новая Гвинея была аннексирована Великобританией, а северо-восточная, включая Берег Маклая, — Германией. Тогда ученый начал борьбу против захвата Берега Маклая, пытаясь использовать англо-германское соперничество, безуспешно искал поддержки у царского правительства. «Если нельзя чего сделать, например, при помощи русских, то можно сделать при помощи англичан, если нельзя сделать и при помощи англичан, то можно сделать каким-нибудь другим способом» — так объяснял суть не всегда продуманных, порой наивных действий ученого близко знавший его известный историк и публицист В. И. Модестов²⁵. По мнению Миклухо-Маклая, лучшим решением было бы признание автономии Берега Маклая «*под общим европейским (международным) протекторатом*»²⁶. Он надеялся, что такой протекторат, основанный на международном соглашении, оградит его темнокожих друзей от «зол, сопряженных со вторжением белых», и обеспечит «строжайшее уважение всех прав туземцев как людей, как действительных членов рода человеческого»²⁷. Однако в правительственных канцеляриях Берлина, Лондона и Петербурга не прислушались к благородным призывам Миклухо-Маклая.

Пытаясь предотвратить вторжение немецких колонизаторов на северо-восточное побережье Новой Гвиней, ученый разработал еще один утопический проект. Приехав в апреле 1886 г. в Россию, он выдвинул план создания русского вольного поселения в районе Берега Маклая. Эта идея встретила широкую общественную поддержку. На его объявление о приглашении добровольцев откликнулось около 2 тыс. человек.

²¹ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 736.

²² Там же. С. 663.

²³ См.: Тумаркин Д. Д. Просвещение в Папуа Новой Гвинее // Сов. этнография. 1969. № 6.

²⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2. С. 443.

²⁵ Модестов В. И. Памяти Н. Н. Миклухо-Маклая // Новости и биржевая газета. 1888. 12 апреля.

²⁶ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4. С. 281.

²⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Берег Маклая в Новой Гвинее // Новости и биржевая газета. 1885. 20 марта.

Ученый задумал создать вольное поселение, которое соответствовало бы его общественным идеалам. При ознакомлении с этим замыслом невольно вспоминаются студенческие годы Миклухо-Маклая, когда он зачитывался сочинениями Чернышевского и французских социалистов-утопистов. В самом деле, проект предусматривал создание общины вольных поселенцев с совместной обработкой земли, распределением продуктов по труду и демократическим самоуправлением. «Колония составляет общину,— писал ученый,— и управляется старшиною, советом и общим сходом или общим собранием поселенцев»²⁸. Не о таких ли трудовых общинах мечтала Вера Павловна — героиня романа Чернышевского «Что делать?»? Примечательно также, что В. И. Модестов, рассказывая в газете об этом проекте, провел параллель между задуманным поселением и утопическими планами переустройства общества, предложенными Фурье²⁹.

Вице-президент РГО П. П. Семенов, близко знавший Миклухо-Маклая, впоследствии вспоминал, что тот имел в виду «установить между русскими колонистами и туземцами такие отношения, которые бы соединили интересы этих колонистов с интересами туземцев и вместо эгоистической их эксплуатации обеспечили бы их от грозящего им полного уничтожения»³⁰. Это позволяет считать проект создания русского вольного поселения модификацией и развитием столь же утопического для того времени «Проекта развития Берега Маклая». Трагедия исследователя заключалась в том, что он надеялся осуществить свой благородный замысел в мире капитализма и колониальной экспансии, да еще при содействии русского царя.

Особый комитет, назначенный Александром III для рассмотрения предложений Миклухо-Маклая, в октябре 1886 г. отверг его проект создания вольной русской колонии. Члены комитета пришли к такому решению как из-за нежелания вступать в конфликт с Германией в районе, столь далеко отстоящем от российских берегов, так и особенно из-за «той формы самоуправления, которую предлагает дать колонии ее учредитель», и сомнительной благонадежности переселенцев. Решение комитета было поддержано царскими министрами. 9 декабря 1886 г. Александр III начертал резолюцию: «Считать это дело окончательно оконченным. Миклухо-Маклаю отказать»³¹.

Ученый тяжело переживал крах своих попыток спасти от чужеземных захватчиков обитателей северо-восточного побережья Новой Гвинеи. Но, как впоследствии вспоминал его брат Михаил, он «не переставал думать о том, чтобы отнять у Германии захваченный ею Берег Маклая». Прежде чем приступить к выполнению этой заветной цели он, по словам брата, хотел исполнить долг перед наукой — привести в порядок и издать материалы своих многолетних изысканий³².

Более 100 статей по различным вопросам антропологии и этнографии, а также зоологии, сравнительной анатомии и некоторых других наук было опубликовано к этому времени Миклухо-Маклаем в научных журналах России, Германии, Англии, Франции, Австралии, Нидерландской Индии (ныне Республика Индонезия) и Сингапура. Пришло время создать обобщающие труды, но прежде всего обработать и опубликовать дневники его экспедиций.

В дни сомнений и раздумий относительно структуры и стиля главного труда — книги о его исследованиях на Новой Гвинее Миклухо-Маклай получил письмо от Льва Толстого. «Ради всего святого, — пи-

²⁸ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4. С. 298. См. также: Бутинов Н. А. Н. Н. Миклухо-Маклай (Биографический очерк)// Там же. С. 553; Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии// Австралия и Океания (история и современность). М., 1970. С. 43—44.

²⁹ Модестов В. И. В добрый час// Новости и биржевая газета. 1886. 1 июля.

³⁰ Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества 1845—1895. СПб., 1896. С. 939.

³¹ Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая// Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959. С. 146.

³² Бутинов Н. А. Н. Н. Миклухо-Маклай. С. 556.

сал Толстой, — изложите с величайшей подробностью и свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы вступили там с людьми. Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, по ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству»³³. Прислушавшись к совету великого писателя, ученый решил оставить в подготавливаемых к печати дневниках многие эпизоды, казалось бы, личного характера, рассказывающие о его взаимоотношениях с островитянами³⁴.

Многолетние странствования, болезни и неудачи серьезно подорвали здоровье Миклухо-Маклая. Не будучи в состоянии писать сам, он диктовал тексты своих дневников. Летом 1887 г. ученый, уже тяжело больной, перевез свою семью из Сиднея в Петербург. Вероятно, предчувствуя приближение трагического конца, он делал все, что было в его силах, чтобы ускорить подготовку к печати своих рукописей. Но силы его быстро таяли. 14 апреля 1888 г. он скончался в петербургской больнице, не дожив и до 42 лет. Его вдова с детьми вернулась в Австралию. Там и сейчас живут его потомки.

В последние годы своей жизни Миклухо-Маклай пользовался значительной известностью как в России, где его деятельность получила широкий общественный резонанс³⁵, так и в Западной Европе и Австралии. «Россия должна гордиться тем выдающимся местом в истории путешествий, которое она заняла благодаря г-ну Маклаю, — писал, например, в 1882 г. известный французский ученый и публицист Габриэль Моно. — Его предприятие в своем роде уникально, его труд имеет исключительно важное значение, да и сам он — личность совершенно необыкновенная... герой в самом возвышенном и всеобъемлющем смысле этого слова»³⁶. Но вскоре после смерти Миклухо-Маклая его научный и общественный подвиг был почти полностью забыт. Родственники и друзья покойного тщетно добивались издания его рукописного наследия.

В 1895 г. по просьбе Совета РГО подготовку к печати дневников и других материалов Миклухо-Маклая взял на себя выдающийся географ, антрополог и этнограф Д. Н. Анучин, и ему в Москву были пересланы рукописи ученого, поступившие в это общество. Работа обещала быть весьма сложной и трудоемкой. Сам Анучин впоследствии писал, что от публикатора требовалось «немало труда, терпения и известного запаса сведений, особенно по антропологии, этнографии, географии посещенных Миклухо-Маклаем стран»³⁷. Как показывает анализ архивных материалов, если бы Анучин сразу принялся за это дело и, не отвлекаясь, довел его до конца, издание, вероятно, состоялось бы, во всяком случае вышел бы в свет первый том. Однако Анучин и без того был перегружен огромной научной, преподавательской, организационной, издательской и журналистской работой. Поэтому он не смог сразу же взяться за подготовку к печати трудов Миклухо-Маклая и в дальнейшем занимался этим только урывками. В начале XX в. Анучин сделал несколько попыток довести до конца задуманное, но к этому времени большинство членов Совета РГО утратило интерес к публикации наследия выдающегося путешественника и исследователя. В 1913 г. в связи с 25-летием со дня смерти Миклухо-Маклая Анучин объявил в печати, что ввиду отсутствия у РГО заинтересованности в осуществлении тако-

³³ Толстой Л. П. Полн. собр. соч. Т. 63. С. 379.

³⁴ См. подробнее: Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981. С. 146—147.

³⁵ См.: Грумм-Гржимайло А. Г. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи // Изв. Гос. геогр. о-ва. Т. 71. Вып. 1—2. М.; Л., 1939; Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Гл. 2, 3.

³⁶ Monod G. La Nouvelle-Guinée. Les voyages de M. de Mikluho-Maclay // La Nouvelle Revue. T. 19. № 2. Paris, 1882. P. 245—247. О популярности Миклухо-Маклая в Австралии см.: Циммерман Э. Указ. раб. С. 219—220.

³⁷ Анучин Д. Н. Н. Н. Миклухо-Маклай. Его жизнь, путешествия и судьба его трудов // Землеведение. 1922. Кн. 3—4. С. 5—6.

го издания он считает это дело «поконченным и подлежащим, за неимением в нем надобности, сдаче в архив»³⁸.

Научный и общественный подвиг Миклухо-Маклая был по достоинству оценен лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1923 г. в столице молодого Советского государства был опубликован первый том трудов Миклухо-Маклая, заново подготовленный к печати 80-летним Анучиным и снабженный им большой вступительной статьей³⁹.

Анучин вложил в эту публикацию много труда, энергии и творческих сил. Прделанная им работа была положена в основу последующих изданий материалов и исследований Миклухо-Маклая о Новой Гвинее. Но эта книга не была лишена и существенных недостатков, особенно очевидных в свете принципов современной нам текстологии. Внося в дневник или статью то или иное дополнение, Анучин не только не указывал его точное происхождение, но в ряде случаев вообще не предупреждал, что это извлечение из другой работы. Не оговаривал он и произведенные в тексте перестановки. Кроме того, Анучин подверг рукописи ученого довольно значительной стилистической правке, носившей преимущественно вкусовой характер. Такое отношение к рукописям Миклухо-Маклая, по-видимому, было связано с представлением о них как о чем-то незаконченном, требующем обработки и дополнений.

Анучин скончался за несколько месяцев до выхода в свет этой книги. По сообщению его ближайших сотрудников, маститый ученый в последние годы жизни много работал и над вторым томом трудов Миклухо-Маклая⁴⁰, но после его смерти эти подготовительные материалы исчезли или были уничтожены. Что же касается рукописей и рисунков Миклухо-Маклая, находившихся у Анучина, то они были переданы в научную библиотеку МГУ. Лишь в конце 30-х годов большая часть этих материалов вернулась в архив Географического общества, а дневниковые описания экспедиций на Новую Гвинею и некоторые другие материалы были помещены в архив Ленинградской части Института этнографии АН СССР⁴¹.

Дальнейшая работа по публикации научного наследия Миклухо-Маклая сосредоточилась в основном в Институте этнографии АН СССР. В 1940—1941 гг. Институтом были изданы его «Путешествия» в двух томах, причем первый том по структуре соответствовал публикации Анучина⁴². В 1950—1954 гг. Институт выпустил пятитомное Собрание сочинений Миклухо-Маклая, в котором впервые была собрана воедино большая часть его научного наследия⁴³. Но и эта фундаментальная публикация не была исчерпывающей. За последние три десятилетия в СССР и за рубежом удалось выявить немало рукописей и рисунков Миклухо-Маклая, а также материалов о его жизни и деятельности. Существенно возросли и текстологические требования к подобным публикациям. Все это определило потребность в новом, расширенном и дополненном Собрании сочинений Миклухо-Маклая. Такое издание, основанное на строгом соблюдении принципов и норм современной текстологии, в настоящее время подготавливается Институтом этнографии АН СССР.

³⁸ *Его же*. Двадцатипятилетие со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая // *Землеведение*. 1913. Кн. 1—2. С. 271—272. Подробнее см.: *Тумаркин Д. Д.* Анучин и Миклухо-Маклай (из истории изучения и публикации научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая) // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. 10. М., 1988. С. 5—37.

³⁹ *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. 1. М., 1923.

⁴⁰ *Крубер А.* Памяти Дмитрия Николаевича Анучина // *Землеведение*. 1924. Кн. 1—2. С. 29, 37; *Богданов Вл. Вл.* Дмитрий Николаевич Анучин. М., 1941. С. 31, 47.

⁴¹ Часть научного наследия Миклухо-Маклая, не переданная в 1888 г. в РГО, хранится ныне в Ленинградском отделении Архива АН СССР.

⁴² *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия / Подгот. к печати Винников И. Н. и Пиотровский А. Б. Т. 1—2. М., 1940—1941. Изучение и публикация научного наследия Миклухо-Маклая ведется также в Географическом обществе СССР. Особо следует отметить специальный выпуск «Известий» общества (1939, т. 71, вып. 1—2), посвященный выдающемуся путешественнику и исследователю.

⁴³ *Миклухо-Маклай Н. Н.* Собр. соч. / Под ред. Толстова С. П. и др. Т. 1—5. М.; Л., 1950—1954.

Ученые нашей страны не только широко используют труды Миклухо-Маклая при изучении народов Океании и истории доклассового общества, но и посвящают специальные исследования различным аспектам его научного наследия⁴⁴. Продолжают появляться книги и статьи, рассказывающие о его жизненном пути⁴⁵. Советские этнографы и ученые смежных специальностей опираются на благородные традиции Миклухо-Маклая в своей борьбе против расизма, за мир, дружбу и взаимопонимание между народами⁴⁶.

Вместе с тем было бы неправильным утверждать, что при изучении жизни и деятельности Миклухо-Маклая, как и при публикации его наследия, не возникает никаких проблем, что уровень этих исследований полностью соответствует современным требованиям. Назрела необходимость в создании подробной научной биографии Миклухо-Маклая, в которой личность большого ученого и прогрессивного общественного деятеля предстала бы во всей ее сложности, не были бы обойдены «острые углы», а само повествование развертывалось бы на широком историческом фоне. Такое исследование может быть создано только на основе тщательного и глубокого изучения всех выявленных источников, в том числе материалов советских и зарубежных архивов.

В Советском Союзе глубоко чтут память выдающегося исследователя и борца за права угнетенных народов. В Москве есть улица Миклухо-Маклая. Его имя с 1947 г. носит Институт этнографии АН СССР. Кроме того, академическая премия имени Миклухо-Маклая регулярно присуждается за выдающиеся научные труды о странах и народах Тихого океана, за фундаментальные исследования по общей этнографии. Для миллионов советских школьников он стал одним из любимых героев.

Как подчеркивал Миклухо-Маклай, он выступал «от имени многих десятков тысяч людей, которых преступление состоит единственно в том, что они имеют кожу темного цвета, более слабы и не в состоянии (в настоящее время) отстаивать сами своих прав»⁴⁷. Теперь иные времена. И то, что было утопией столетие назад, в наши дни превратилось в реальность.

В 1975 г. достигла независимости Папуа Новая Гвинея (ПНГ). В это государство входят восточная часть Новой Гвинеи, архипелаг Бисмарка и некоторые другие острова. Обретение независимости создало важные предпосылки для движения этой страны по пути прогресса.

Посетив в 1971 и 1977 гг. Берег Маклая на борту научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев», советские этнографы убедились в том, что жители Бонгу и ряда других деревень сохранили добрую память о русском ученом; он превратился в легендарную фигуру в местных преданиях. Островитяне хорошо помнят, что именно *тамо русс* Маклай привез им первые железные топоры и ножи, многие новые для них культурные растения, подарил бычка и телку, показывают место, где стояла его хижина. Эти исторические факты запечатлелись не только в их кол-

⁴⁴ См., например: Кабо В. Р. Искусство папуасов в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая//Сов. этнография. 1961. № 6; Бутинов Н. А. Н. Н. Миклухо-Маклай и проблемы этнографии Берега Маклая на Новой Гвинее//Сов. этнография. 1971. № 2; Бутинова М. С. Материалы Н. Н. Миклухо-Маклая о религии народов Океании и их значение для современного религиоведения//Сов. этнография. 1971. № 6; Путилов Б. Н. По следам музыкально-этнографических работ Н. Н. Миклухо-Маклая//Музыка народов Азии и Африки. Вып. 3. М., 1980.

⁴⁵ См., например: Путилов Б. Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии; Комиссаров Б. Н. Указ, раб.; Говор Е. В. Н. Н. Миклухо-Маклай в воспоминаниях современников (забытые страницы)//Сов. этнография. 1986. № 2; Вальская Б. А. Научная и общественная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая в последние годы его жизни//Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1987; Putilov B. N. Nikolai Miklouho-Maclay. Traveller, Scientist and Humanist. M. 1982 (то же на русск. яз.— М., 1985); Tumarkin D. Miklouho-Maclay and New Guinea//N. Miklouho-Maclay. Travels to New Guinea Diaries. Letters. Documents. M., 1982. P. 5—56.

⁴⁶ Бромлей Ю. В. Этнография и взаимопонимание народов//Сов. этнография. 1986. № 1. С. 4—5.

⁴⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 4. С. 250.

лективной памяти, но и в бонгуанском языке, в который вошло несколько фонетически видоизмененных русских слов⁴⁸.

В 1975 г. в г. Маданге, выросшем на Берегу Маклая, были опубликованы дневники ученого, рассказывающие о трех его посещениях этого берега⁴⁹. Дневники были переведены на английский язык австралийцем Ч. Сентинеллой, но все работы по выпуску книги в знак уважения к Миклухо-Маклаю были выполнены типографскими рабочими-папуасами⁵⁰.

Как показали встречи и беседы, которые мы имели в столице ПНГ г. Порт-Морсби, студенты и преподаватели местного университета, многие государственные и общественные деятели осведомлены о благородной деятельности Миклухо-Маклая и справедливо считают его одним из первых, кто выступил за предоставление независимости их стране. Радио ПНГ регулярно транслирует передачи о *тамо русс* Маклае, в его честь выпущена почтовая марка. Недавно в Маданге появилась улица Николая Маклая.

Миклухо-Маклай не забыт и в Астралин. Возрождение интереса к замечательному русскому путешественнику и исследователю началось в этой стране в годы второй мировой войны, когда там была опубликована книга Ф. Гринопа, сумевшего на доступном ему материале увлекательно рассказать о Миклухо-Маклае⁵¹. В 1979 г. в Сиднее при активном участии внуков ученого было основано Общество Миклухо-Маклая. Оно поставило своей целью распространять сведения о его жизни и деятельности, способствовать продолжению его исследований, развивать научные и культурные связи между народами Австралии, СССР и Папуа Новой Гвинеи⁵².

Прошло 100 лет со дня смерти Миклухо-Маклая. За это время в мире произошли огромные перемены. Но и теперь научный и общественный подвиг русского ученого, его богатое наследие служат прогрессу человечества, дружбе и сотрудничеству между народами.

⁴⁸ См., например: Тумаркин Д. Д. По следам «тамо русс» (Советские ученые в Бонгу) // На Берегу Маклая. С. 41—45.

⁴⁹ Mikloucho-Maclay: New Guinea Diaries 1871—1883. Madang, 1975.

⁵⁰ Тумаркин Д. Д. Новая встреча с Океанией // Сов. этнография. 1977. № 6. С. 80—81, 86.

⁵¹ Greenop F. S. Who Travels Alone. Sydney, 1944.

⁵² Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia. V. 1—8. Sydney, 1980—1987.